

Гарри сидел за своим столом и обдумывал то, что только что узнал, когда солнце нового дня начало заглядывать за горизонт. Он нравился Гермионе. Он нравился Гермионе. Он нравился Гермионе. Он нравился Гермионе. Он нравился Гермионе.

Но ничего не сходилось. Раньше он никому не нравился. Ну, несколько девочек проявили беспокойство, когда он впервые был избит Дадли в школе, но когда его кузен повернулся к ним, они быстро поняли, что лучше не вмешиваться. Разумеется, он никогда никому не нравился.

Он нравился Гермионе. Гарри был в растерянности. Как реагировать на подобное? Конечно, он не мог спросить совета у Дурслей, они бы просто закричали: "Нам больше не нужны уроды!" и заперли бы его в чулане под лестницей до конца жизни.

На самом деле ему нужен был кто-то, с кем он мог бы поговорить об этом - желательно тот, кто уже знал, потому что объяснять это он точно не собирался. Внезапно он вспомнил: Рон знал. Гермиона сказала, что он знает; сказала, что говорила с ним об этом. Гарри достал письма Рона и быстро просмотрел их ещё раз.

В обоих письмах, когда Рон говорил о Гермионе, было написано: "Что ты о ней думаешь?". То, что Рон спросил его, что он думает о Гермионе, вместо того чтобы сказать ему, что Гермиона сказала, что он ей нравится, показалось Гарри немного странным. С другой стороны, - подумал Гарри, - Гермиона попросила Рона спросить его об этом. Может быть, она попросила его узнать, что я о ней думаю?

Рон, конечно, мог бы сделать это лучше. Гарри вовсе не думал, что он спрашивает об этом, чтобы получить ответ. Иначе зачем бы он добавил, что считает её "чертовски умственной" и "любопытной"? Похоже, Рон был против того, чтобы узнать Гермиону получше. Чёрт возьми, Рон, наверное, уже жалел о том, что знает её так много, как они уже знали, со всеми его жалобами на то, что она поощряет их делать домашние задания.

И конечно, она хотела бы, чтобы мы делали свою работу", - рассуждал Гарри. Гермиона говорила, что она всегда заставляла себя работать; очевидно, она хотела бы, чтобы все, кто близок к ней, работали хорошо". Гарри почувствовал, как на его лице снова поднимается жар. Конечно, она хотела бы, чтобы у него все было хорошо, ведь она "хотела узнать его получше".

Гарри не знал, что он думает по этому поводу. Конечно, учебник по Истории магии показался ему увлекательным, но это было до того, как он застрял в комнате и был наскучен до смерти давно умершим призраком. Зелья были чем-то вроде кулинарии, которую он хорошо умел готовить и не возражал против этого, но было трудно продержаться на уроке, когда Снейп огрызался на него за то, что он просто существует.

Гербология напоминала ему о том, что его заставляли заниматься садоводством у Дурслей, слишком часто, чтобы это было действительно приятно. Трансфигурация была интересной, но утомительной. Час такого занятия - и он был рад любому предлогу, чтобы подольше подумать о чем-то другом. Чары всегда были хороши, чтобы отвлечься, но чем меньше говорить об

Астрономии, тем лучше. Всегда было слишком холодно, слишком пасмурно и слишком трудно уснуть. Какое отношение к магии имеет знание названий звезд? Разве они не могли научиться всему этому, изучая карты днем?

Полеты были захватывающими, но назвать это полноценным занятием было нельзя. Они проводились всего несколько раз - пока не убеждались, что можно сесть на метлу, не убив себя, - и, поскольку Гарри сразу же отобрали в гриффиндорскую команду по квиддичу, он сходил только один раз. Гарри задавался вопросом, заставили ли Гермиону посетить все четыре занятия или она просто отказалась идти снова. Она была не из тех, кто доверяет свою жизнь чему-то столь шаткому, как старая школьная метла.

Защита была забавной, даже смешной, учитывая робость и заикание Квиррелла. Конечно, и то, и другое было ложью, и он не мог сказать, что они научились чему-то важному, не говоря уже о том, как защищаться. Впрочем, наличие лорда Волдеморта, растущего из затылка профессора, вероятно, в значительной степени объясняло это. Ему казалось странным, что самое худшее в Хогвартсе, помимо возможности быть убитым, - это плохие учителя, которые не дают тебе научиться чему-то полезному.

Гарри понимал, что заблуждается. Дело было не в том, что он думает о занятиях, а в том, что он думает о ней. Гермиона была... ну, Гермионой. Она была другом. С ней было приятно находиться рядом. Она была - и тут его осенило. Она была тем, с кем ему было комфортно. Рон тоже был другом, но с ним он всегда чувствовал, что многое упускает, многого не знает.

С Гермионой же они были похожи. Два ребенка из мира маглов, которые даже не подозревали о существовании магии, а теперь их бросили в совершенно другой мир, и им приходится справляться со всем самостоятельно. Они учились всему одновременно, для них это было в новинку, в то время как для Рона всё это было старо; он и его братья выросли, зная о троллях, гоблинах, великанах и драконах, так что как это может быть интересно?

Гарри почувствовал, как его мысли резко свернули влево.

Так вот почему Рон не заботился об учёбе?" - задался вопросом Гарри. Неужели он прожил в мире волшебников так долго, что уже понял его суть и не видел необходимости узнавать о нём что-то ещё? Взглянув на свою собственную жизнь, Гарри понял, что то же самое относится и к нему. Он вырос в маггловском мире и знал об электричестве, самолётах, футболе и телевидении, но не мог объяснить, как они работают и почему. Более того, его вряд ли бы заинтересовало, чтобы разобраться во всем этом.

Гарри решил, что ему определенно нужно больше внимания уделять учебе. Если он собирался однажды оставить Дурслей и маггловский мир позади, то должен был узнать о волшебном мире все, что только можно. Если относиться к этому как к чему-то неважному, то он получит только худшее из того и другого. Голова будет забита всякой ерундой из одного мира, которая ему не поможет, и он будет считать, что ему не нужно ничего знать о том, как все устроено сейчас. С таким же успехом он мог бы открыть свое хранилище в Гринготтсе и крикнуть: "Пожалуйста, воспользуйтесь мной!".

Снова сбивается, - подумал Гарри. Речь идет о Гермионе.

По мнению Гарри, Гермиона была единственной частицей нормальности в Хогвартсе. Он едва не отшатнулся от этой мысли. Нормальность - это не плохо, - напомнил себе Гарри. Это Дурсли ненормальные со своей одержимостью быть нормальными". Рон, Фред и Джордж были нормальными парнями, насколько Гарри мог судить; нормальными для волшебного мира, но Гермиона - она была нормальной для него.

До сих пор он не понимал этого, но ему было приятно осознавать, что есть кто-то еще, кто прошел через все, через что прошел он, кто знал все то, что знал он, и не знал всего того, чего не знал он. Она была как переносной островок спокойствия, когда он сталкивался с чем-то новым и опасным.

"Ну, - подумал Гарри, - она была скорее похожа на каменный остов скалы, на который дядя Вернон притащил нас в прошлом году, когда дело дошло до экзаменов", но он решил, что даже магия может помочь в этом. Однако она, похоже, была не прочь попробовать. Она хотела узнать его получше - и, предположительно, чтобы он узнал ее, - и даже, похоже, была не прочь немного повеселиться, если верить ее словам о квиддиче и о том, что у нее есть время для себя.

Он улыбнулся. Она хотела узнать его получше - только его, только Гарри, а не Мальчика-Который-Выжил. Он был уверен, что Гермиона знает больше, чем он, практически обо всем, и между ними должно быть много различий, но раз все остальные видят в нем только шрам, как он мог не попробовать?

Внезапно Гарри охватило чувство ужаса, и он достал второе письмо. Я знаю, что творится у тебя в голове, - писала она. Я понимаю... Мы друзья, и я бы не хотела, чтобы это изменилось... Пожалуйста, ответь. Я бы не хотела, чтобы между нами была какая-то неловкость".

Он собирался сказать "нет", но не хотел. Или, по крайней мере, она восприняла его молчание как то, что он не хочет говорить "нет" и поэтому вообще ничего не говорит. "И действительно, - подумал Гарри, - как еще она должна была воспринять молчание после такого письма? Сказать кому-то о том, что он значит для твоей жизни, - это многого стоит, но чтобы потом неделями молчать...

Гарри также заметил, что он перешел от "Дорогой Гарри" к просто "Гарри", а она - от "Всегда твоя" к просто "Гермиона". Он не мог представить, чего ей стоило написать первое письмо, но написать ему еще раз и сказать, что все в порядке, что она ему не нравится...

По сравнению с этим мое лето кажется приятным", - подумал Гарри, беря в руки письмо, которое она прислала сегодня вечером. И это определенно объясняет, почему она пыталась не дать мне прочитать его, - подумал он. Она уже прошла через муки, когда он не сказал "нет", только для того, чтобы узнать, что у него никогда не было шанса не сказать "нет". Неудивительно, что она сказала, что это все "элементарные вещи", она не хотела проходить через все это снова - и на этот раз по-настоящему. Она не хотела рисковать остаться "твоим

другом, Гермиона".

Как будто это когда-нибудь случится, - ответил он сам себе. Если бы Гарри уже не знал, как он ответит - даже если бы он не имел понятия, что скажет, - это бы его окончательно добило.

Гарри был уже на полпути к сундуку за пергаментом, когда дверь в его спальню резко распахнулась и остановилась. Он бросился обратно к столу и стал судорожно пытаться убрать всё с глаз долой.

"Что за дьявольщина творится с этой дверью?" - тихо спросила его тётя Петуния.

Гарри с любопытством заглянул в крошечную щель в своей защите. "Простите, тётя Петуния", - соврал он, ничуть не сожалея. "Должно быть, я не уследил за тем, куда бросил свою одежду прошлой ночью".

"Ну да, так подбери ее", - едко сказала она. "И спускайся вниз и приступай к завтраку. И потише, - шипела она, - Дадли и Вернон немного поваляются".

Он закрыл дверь и стал собираться, пока тетя Петуния уходила. Дадли и Вернон всегда ложатся спать, - подумал Гарри. Это половина причины, по которой они так растолстели".

Дойдя до кухни, Гарри уже знал, что он сегодня приготовит. В кои-то веки ему было наплевать на то, что хотят Дурсли. Сегодня он готовил вафли.

<http://tl.rulate.ru/book/103474/3592711>